

ГАВРИЛО

№ 21. Ноябрь, 1925 г. Издание газеты „Пролетарий“—орган ВУСПС. Адрес редакции: Пушкинская, 31.

РЕШИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА.

Спекулянтам и спекуляции не место в органах гос-торговли и промышленности. (Из приказа т. Дзержинского).

Рис. Б. Фридкина.

Иду на вы!

Центральная библиотека
учебная библиотека

Дедушка Крылов о текущем моменте.

Вопрос о Моссуле до сих пор остается открытым.

Кто виноват из них, кто прав—судить не нам, да только воз и ныне там. (А на возу—англичанит).

Английский министр земледелия Вуд назначен вице-королем Индии.

Коль голова пуста—ума не придадут места.

Николай Николаевич заявил, что сейчас—самый подходящий момент для нападения на СССР.

Ай, Моська! Знать она сильна, коль лает на слона.

Румынская пресса считает, что тов. Фрунзе „мечтал о войне с Румынией“. Чем кумушек считать трудиться, не лучше-ль на себя, кума, оборотиться.

Привлекается к ответственности ряд кооперативов, продававших товары частным лицам.

Ты все пела? Это дело; так пойдй-же попляши!

Во Франции—новый кабинет.

А вы, друзья, как ни садитесь, все-ж в музыканты не годитесь.

Эс-Че.

К 8-й ГОДОВЩИНЕ ОКТЯБРЯ.

(Среди эмиграции).

— Когда-то говорили: „Семь отмерь, один раз отрежь“, а теперь раз отрезали, а восьмой раз отмеряют.

НОВЫЕ ПОСЛОВИЦЫ.

Бог „Правду“ видит, да читать не может. (Не по Сеньке шапка!).

Мал золотник, да и тот упраздняет. (Всякому овощу—свое время).

С растратчиком поведешься—до доберешься. (Любимый кататься—любимые саночки возить).

НА СЕМЕЙНОМ ВЕЧЕРЕ.

— В устах этого исполнителя фраз „Люди гибнут за металл“—звучит особенно убедительно.

— Еще бы! Ведь это помзав того отделения металлпрома, уволенного за продажу металлических изделий кулянтам.

Поднятие производительности.

После отмены системы „списков“, Крышкин, бесславный секретарь завкома с трехлетним стажем, провалился на пере выборах.

— Ну, брат,—сказал ему старый предзавкома,—придется и тебе вернуться в первобытное состояние—к станку. Так ты уж того, не осрами заводский комитет, не подгадь. Теперь, ведь, „качество“, „производительность труда“. Понял?

— Постараюсь использовать завкомский опыт и дерективы центра, чтоб, значит, провести ударную пропаганду, всколыхнуть, поднять массу,—казенным тоном пробубнил Крышкин.

Он мог-бы тянуть заученное содержание циркуляров еще два часа, если-б это было на собрании. Но председатель нашел, что теперь не время для официальных речей и прервал Крышкина:

— Ладно, ладно. А ты сам пример покажи, как уплотнять день. Чтob ласы не точить, не бузить, а работу двигать. Так-то.

В механическом цеху, куда возвратился Крышкин, работали сдельно. Он принял левой рукой наряд, а правой—валик и почувствовал, что бумажка куда легче металла. Привычным движением воткнул он наряд в карман и подошел к станку.

— Так что обточить его нужно ровно, гладко, согласно указанного размера „на волос“,—что называется—убеждать самого себя, прилаживая резец отшей рукой.

Стружка пошла змейкой быстро-быстро.

— Следить нужно, не проморгнуть, потому металл нежный, мягкий, мол сразу „фыкнуть“ и готово,—продолжал Крышкин.

Но никто не отвечал, и Крышкин стало ясно, что слова его не произвели должного впечатления на массу. Окинул цех тем взглядом, каким дывал общее собрание, когда шумные рабочие, утомленные докладом,—он в бузотера.

Но каждый молча работал, наклонившись над станком и сосредоточенно следил за движением резца. И никто Крышкина не слушал.

Перед ним пронеслась черная доска в завкоме, с именами неявившихся на собрание—теперь она была для него досягаема.

— Несознательность одна, невоспитанность. Какое уж тут может быть „качество“,—привычно подумал Крышкин и безнадежно махнул рукой.

— А ты чего?—начал в механическом тоне спрашивать его слесаря Попова, вышедшего в цех с перевязанной рукой.

— Да вот, товарищ Крышкин, руку вчера повредил, освобождение имею.

Крышкин снисходительно посочувствовал и, обрадованный появлением хоть одного незанятого человека, снова начал свой заученный доклад.

— Прошло время, братец Попов, когда мы зажигалки точили, за хлебом в деревню ездили. Теперь нужно промышленность налаживать, производительность подымать. Потому дело это государственное,—важное.

— Оно, конечно, работать надо, а не ласы точить. Актив пример показать должен, хотя как вы вот,—с усмешкой поддакивал слесарь.

У Крышкина переменилось выражение лица.

— Напрасно вы, будучи больным, болтаетесь в рабочее время по цеху, чем отвлекаете занятых людей. Нужно будет поставить вопрос в Завкоме о запрещении посторонним лицам...

— А кто здесь больше посторонний, вы или я? — перебил его с иронией Попов.

Крышкин не успел ему ответить: в это время его беспризорный станок крикнул, валик сорвался с центров и что называется „на волос“ — пролетел мимо крышкинской головы.

— Актив пример показывает,—усмехнулся Попов,—производительность подымает.

С работы Крышкина сняли.

Вл. Симушенко.

НЕОЦЕНЕННЫЙ ТАЛАНТ.

(Маленькая повесть о большом свинстве).

Некоторые тресты продают товары по повышенным ценам частным торговцам, что способствует развитию спекуляции и товарного голода.

У нашего „преда“
На хозфронте победа.
Урраа!

Только вчера
За расчет наличный
Сбыл товар заграничный.
То-то будет на рынке
Товарный поток!

Заглянули в „Ларек“
Из „Ларька“ — в ЦРК.
Ни портка!
Так втупик мы и стали:
Товары пропали...
Товарищи, как?
Среди бела дня? Не пойму.
Эй, угрозыск! Эй, ГПУ!
Не потерпим таких фармазонов!
Где наши 20 вагонов?..

Отыскались. На базаре.
Цены вздуты в десять раз...
„Пред“ явился в новой паре.
Эх, бы вздуть его сейчас!
Хорошо на частном рынке
Поддержать бюджет страны:
У ребят—шевро—ботинки
И каракуль—у жены.

У нашего „преда“
С РКК беседа.
РКК нашла у него обострение
На почве весьма злостной спеку-
ляции.
И дали „преду“ отпуск для ле-
чения...
„На один год со строгой изоля-
цией“.
шип.

„КЛЕВЕТА“.

Рис. Я. Бельского.

— И чего это брежут, что продернули меня, когда тут сказано, что я сам есть жертва русской горькой!...

КАПИТАЛ НЕ МЕШАЕТ.

В годовщину это было: седьмого, значит, ноября... Как в этот день манифестация по городу назначена была, я, стало быть, спозаранку помытый, побритый, в праздничной одежде, вполне настроенный с дому вышел, чтоб, значит, к заводу на сборный пункт своевременно не опоздать...

У ворот, гляжу,—Кравцов, Фома Никитыч, лавочник наш, стало быть, владелец винно-гастрономического магазина, что в нашем доме...

— Смотрю — тоже, шельма, побритый, помытый, в новом картузе, спинджак праздничный, с вождем в петличке, настроенный будто тоже по октябрьскому, стоит он подле закрытого магазина, газету держит и про наш мировой праздник, стало быть, читает...

Обидно мне стало, что такой анти-пролетарский элемент с нами в одну ногу становиться хочет, притом, как мне

вся его внутренняя белая физиономия явственно видна была... Знал я доподлинно, что это он маску на себе рабочую пялит, чтоб подозрение отвлечь — а по идеологии, стало быть, он весь противник трудящегося люда...

Давай, думаю, хучь выявлю фиктивность его... Пускай, подлец, не думает, что нам пузыря его не видно...

— Добрый день, говорю, гражданин Кравцов.. Что это, спрашиваю, за праздник у вас сегодня, что лавка на замке? Нешто не торгуем сегодня? А?

— Да что вы, тов. Строев! — точно обиделся он на меня. — Рази это, говорит, этически получится, ежели в такой высоко-праздничный день нарушать постановление Окрисполкома?.. Не гражданин я, что ли, думаете?.. Октябрь же...

— Для кого, говорю, октябрь, а для кого, может, и сентябрь... Это, говорю, неизвестно окончательно, или он для вас писан, октябрь наш...

Покраснел собачий сын, и глаза налитые:

— Как не для меня?.. Для всего он человечества! Октябрь октябрем остается...

Думаете, во мне души всенародной нету, аль сердце мохом обросло?..

— Мохом, говорю, не обросло — это действительно... Но червонцев махонький налет на ем обнаружить можно, думается... А?.. Хе-хе-хе, и, как мне припоминается, до 17-го года и Николая Романова с хлебом — солем встречать ходили?.. А?..

— Ну, так что? — обозлился он пуще. — Как тогда царь Николай помазанный был, — мы супротив него иттить не могли, а как теперь, стало быть, Соввласть нам приказы — декреты диктует, мы ей подчиняться обязаны... Явственно...

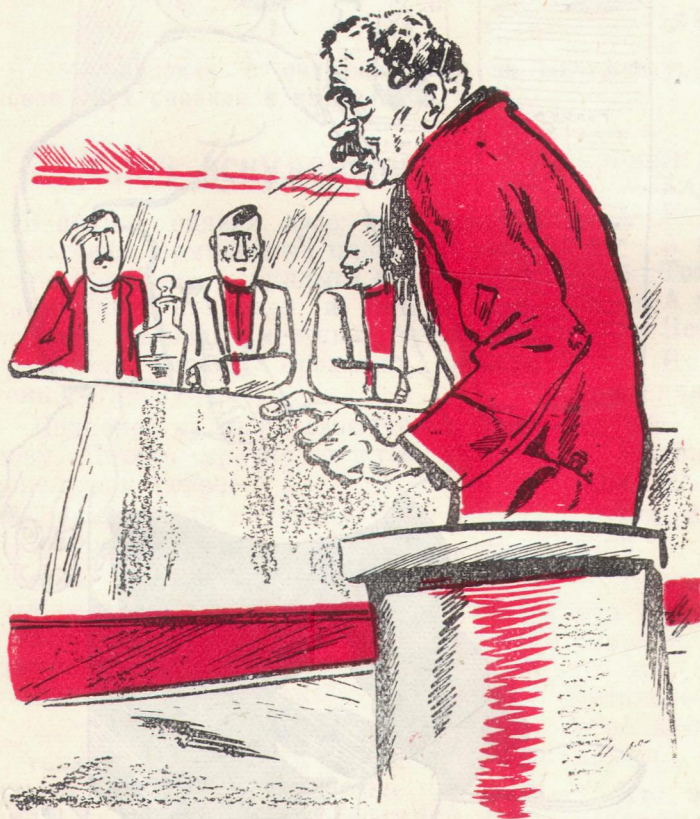
— Так то оно так, говорю... А все же, думается мне, вам по тех праздниках тоска сильнейшая: по тезоименитствах да по табельных днях... А?..

— Безусловно нет! — запротестовал он. — Вы потому, говорят, под такую подозрительность меня берете, что я купец, нетрудовой элемент считаюсь и подоходно-имущественный налог в финотделе

ОПРАВДАНИЕ.

Рис. Каплана.

К процессу судей.

— ...И еще могу сказать, что растраты никакой не было, а была выпивка в „Большой закуске“. А задалживаться у кабатчика для служилого человека тоже неудобно...

вносить обязательно должен... Наскрозь, значит, ошибаетесь... Потому, во-первых, что я теперь красный купец считаюсь—это одно... А, окромя всего, у меня, думаете, в середке покаяние не наступило?... Давно уж наступило.

— Думать, говорю, нечего... По ваших словах выходит, что вы за коммуну сторону держите?... Да?..

— А вы как думали?... Может, и держу... Никто в мою середку душевную не влезал, чтоб видеть, есть ли в ней коммуна или нету ее!—закачал он мне головой... — Дело темное...

— Для кого, говорю, темное, а для меня явственно видно и понятно, что, как вы есть человек с капиталом—то вам коммуна не по вкусу будет... Раз капитал...

— Темный, отвечает он, вы человек, хоша и рабочий... Вы политический профан, ежели так рассуждаете... Что вы мне за пример показываете, капитал?... Что—капитал?... Рази капитал мешать может?... Берите, вот ваш Карл Маркс... Какой считается у вас человек?... А „Капитал“, гряд, огромный составил... Он с „капиталом“, значит, был, а его портреты везде на показ выставляются... А вы мне все капитал тычете в глаза... Плевать на капитал—главное, душа, а не капитал... Вот что...

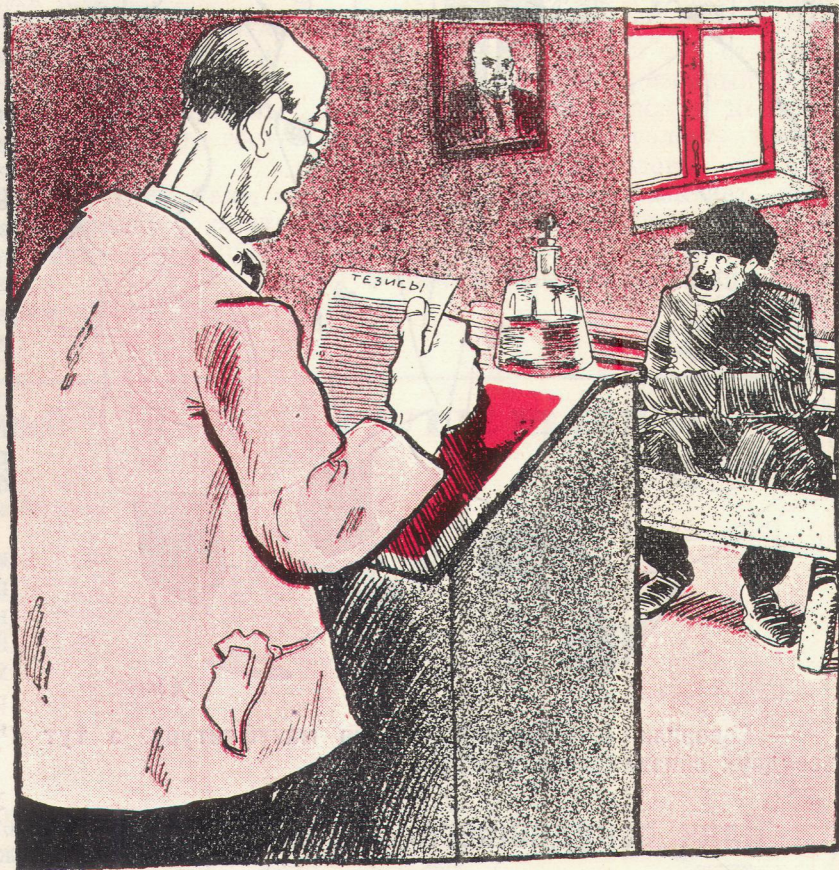
Посмеялся я над ним... Плюнул ему прямо в глаза... Пожалел, что время с ним зря потратил и побежал на сборный пункт...

Я. М. Польский.

Дважды назначенное собрание делегатов предприятий пищевкусовой промышленности Харькова не состоялось, т. к. никто не явился.

(„Пролетарий“).

Рис. Я. Б.

ДОКЛАДЧИК:—А что вас так мало собралось?

ПИЩЕВКУСОВЕЦ:—Так что у нас тут вообще: все за одного, один за всех...

МЕДПОМОЩЬ ДЫБОМ.

В Ахтырке на 4 заразных барака ночью дежурит только одна сиделка. Больным нередко приходится отправляться в поиски за нею по баракам.

(По данным союза Всемедикосантруда).

Как понятия кажутся смешными При знакомстве с прозой жизни мелкою. Там сиделка „ходит“ за больными, Здесь больные ходят за сиделкою.

Я.

С ПОДХОДЦЕМ.

— Как хорошо, что нет очередей!

— Напрасно вы думаете. Я уже четыре месяца с нетерпением жду очереди... в рабочей поликлинике.

— Говорили о снижении цен на мануфактуру, а тут вовсе двух снизили в подвал...

Плач оскудевшего.

В пивной сидели двое: барахольщик с благбаза Дермидонтыч, плешивый сморчок-старикашка, забулдыга и выпивоха, каких свет не видел, и Петька Дайпорвать, король местных хулиганов, гроза запоздавших прохожих, рыцарь темного переулка.

Подперев кулаком свою чубатую голову, Петька мрачно смоктал пиво и сопел, как тюлень.

Дермидонтыч подливал.

— Вид у вас на море, товарищ Петька, как будто, извеняюсь, прибитый, — заискивающе сказал Дермидонтыч, обсасывая воблу, — с чего бы такое, товарищ Петька? Может вам печенки отбили, товарищ Петька?

— Тошно мне, — со вздохом ответил Петька и так стукнул по столу кулачком, что бутылки на столе подпрыгнули на вершок и пробежавший мимо официант кинул через плечо:

— Такое не позволятца!

— Прошло мое времячко, — продолжал Петька и голос его предательски дрогнул. — Бывали дни веселые, гулял я молодец. Я ведь вроде атамана был, Дермидошка. Парни меня слушались и гурьбой за мной волочились. Бывало, встретим какого фраера и сейчас ему: — Плавай, падлюка, по земле. Он, конечно, плавает, саженками и на спинке, делает вид, что захлебывается, на песку — то Смехота! А ослушаться не смеет. Потому — бубна ему горит... Но теперь амба, ваших нет.

А приключилось все потому, что решил я со своей брашкой по случаю осеннего времени в помещение, в клуб перебраться. „Сифонить“ стало на улице.

Спервоначалу мы у входа баловали.

Который в клуб идет, а мы ему:

— Клубная книжка есть у тебя?

— Есть, говорит.

— А профсоюзный билет?

— Тоже есть.

— А того... трамвайный билет.

— Нету, говорит, я пешком.

— Ну, тогда ты, говорим, не имеешь хождения в клуб наравне с прочими. Катись.

Ежели заедается — в нюхало... Вообще, весело было.

Потом мы в самый клуб перекочевали.

Только стал я замечать, что ребята мои будто бы от рук отбились. Присмирели, тихие такие, будто им условно по три годика дали. Все больше в читальне сидят да книжечки всякие перелистывают. А насчет баловства — ни-ни.

Что это вы, говорю, братишки, малохольные такие? Покукарекали бы. Скушна. Ванька, Степка, поднимем хай, чтоб дома не журились!

А они мне:
— Уйди, Петя, подальше. Нам с тобой по дороге.

1. Ты, говорят, Петя, не очень. Живое поставим.

— Кого, меня, говорю, выставить, рас-
хвостак вашу бабушку...

0. Что ты думаешь, Дермидошка? Вы-
тавили. Да еще пригрозили. Ежели,
скажут, ты, сукин сын, будешь на
нашей улице хулиганить, самолично
с района отправим или бубну выьем.
З будьте у Верочки, проучим, по-
лету ученье свет...

Такие дела, Дермидошка. Стало
суть, прохожу мне по улице нет... И
обуда только мильтоны смотрят, а?

— А ты пей,—сказал Дермидонтыч,—
ужет полегчает.

РАДИО В ОКРАИНЕ ГДЕ ТО В ГОРОДЕ.

0. (Почти по Пушкину).

лес облегченье откомхозу,
никогда луна бесплатный свет.
Сводит дева по морозу—
хочешь—любишь, хочешь—нет!"

0. Возно трубы заводские
ме облака вперили взор...
АЛ черных ямах—мостовые
В афишах—весь забор.

0. рельс сошел вагон моторный,
торговку наскочив...
в недрах тумбы беспризорный
новал жилколлектив.

0. культработе неохочий,
дуб зияет пустотой,—
0. всему спешит рабочий
погреться хоть... в пивной.

0. слышны песни. Крики брани.
0. стовой глаза открыл.
0. рогуносие:—Хулиганы!—
0. спокойно закурил.

0. то-то слышится родное
шумном говоре людском:
0. словечко матерное,
0. угроза „кулаком“...

0. часов пронесся гулко.
0. воздух дрогнул и уснул...
0. шь во мраке переулка
0. то-то воет:—„Карраул!“

ЯМБОВ.

— Не могу, Дермидошка, скушна
мне, душа веселости требует... Скажи-
ка, вон тому шибздику в шляпе, чтобы
смеялся. А то я ему рожу набок сво-
рочу. Не люблю я, когда супротив мне
сурьезные морды. Без них тошно...

В пивной запахло скандалом.

Михей.

УЧИТЫВАЮТ ОБСТАНОВКУ.

— Слыхали? В январе будут страш-
ные холода...

— Странно, в домах гороткомхоза
как раз к январю закончат ремонт ото-
пления. Как все теперь хорошо преду-
смотрено...

У ГРОМКОГОВОРИТЕЛЯ.

По радио часто передаются боль-
шие и неинтересные рекламные об-
ъявления.

— Ишь, Митрий, граммофоны то ничего, только пла-
стинка больно скучная.

ЗАВКАНЦ И КЛЮЧ.

Сотрудники Красно-
Лучского Райисполкома
для того, чтобы схо-
дить в уборную — дол-
жны взять ключ от по-
следней у завканца.

(Из письма).

Только здесь! Нигде, мол, кроме!!
В стенах града Красный Луч
Есть завканц в Райисполкоме,
У завканца, значит, ключ.

И — как следует, конечно,
Раз завканц в делах знаток —
Пред столом завканца вечно
Человеческий поток.

Но... вот тут то и досада —
Дальше некуда итти:
Одному — по делу надо,
А „за делом“ — десяти.

На лице налет румянца, —
Мол, неловко, сам не рад, —
Все же пред столом завканца
Каждый делает „доклад“.

М-да, заманчивая ролька...
Быть завканцем не резон:
Он завканц по спискам только,
А на деле „ключник“ он.

И — заметить я обязан —
Одного я не пойму:
Кто к кому сильней привязан —
Он к ключу иль ключ к нему?...

Я смотрю на вещи здраво;
Вот совет мой вообще:
Прикрепить к уборной зава,
При нагрузке и ключе!..

НУМА.

НА ЭКЗАМЕНЕ В ИНХОЗЕ.

— Так как в СССР крупная промыш-
ленность национализирована, то тресты
могут продавать свой товар непосред-
ственно государственным торговым ор-
ганизациям. Назовите мне одну из таких
организаций, где бы в любом количестве
имелся товар любого треста.

— Базар, товарищ профессор.

Спящая красавица.

Во дворе 1-го Госводочного
завода стоит непролазная
лужа, которая мешает про-
изводить погрузки... Полотенца и мыло, выдаваемые
рабочим, всегда покрыты
слоем грязи...

Рабочие терпели долго: ходили по
двору по щиколотку в грязи, — молча,
умывались подозрительным мылом,
молчали, утирались грязным полотен-
цем, — тоже молчали.

Но когда грязь в луже дошла уже
до колен и вместо мыла стали давать
кусок какой-то черной окаменелости,
вместо полотенца — портянку, — молча-
щие заговорили.

— Вот так администрация, мать
за ногу! За собак нас считает, что ли?

— И куда наша охрана труда сме-
трит?

— Дрыхнет, стерва, на полный ход
— Так разбудить ее надо, да как
следует!

— Давайте, братишки, свяжем
да нашим то мыльцем умоем, а потом
полотенечком вытрем. Вот арапы-
будут, а?

ЧТО МОЖЕТ СЛУЧИТЬСЯ

На содовом заводе в г. Славянске хоз'отдел выдает
работникам, как спецодежду, мужские брюки и рубахи.

— Хорошо на содовом заводе! — скажет админи-
страция каной-нибудь шахты. — Эх, и живут же люди!
А мы отстаем... И выдаст каждому шахтеру, в каче-
стве спецодежды, по паре очков. И легно в них
и приятно.

Посмотрит с завистью администрация табач-
ной фабрики на это дело. — Ишь ты! Надо подтянуться.
И выдаст каждой папироснице по паре прочно
выдержанных рукавиц.

— А может в луже их выкупать?
— У нас, брат, все едино: что в луже, что в умывальнике. Ну, дуй, братва, скорее, пока перерыв не кончился!

С этими словами толпа рабочих бросилась искать охрану.

Найти ее было не трудно: громкий с хорошим присвистом хрип, вылетая из комнаты месткома, был слышен даже на улице.

— Заходи, робя, оттеда, а мы, значит, с этой стороны нагрянем.

И рабочие уже собрались „нанести визит“ своей охране, как вдруг в дверях появился „ветеринар труда“ и член союза с пятого года, Митрич.

— Куды на живого человека прете?— сказал он удивленно.— Очумели, что-ли?

— Охрану нашу хотим растормошить, пусть за дело возьмется!— раздались голоса.

Митрич даже руками замахал.

— Что вы, что вы?! Разбудить хотите? Не советую, братишки. Дурак ежели спит, так это и к лучшему; спокойнее как-то. А то проснется ненароком, да таких делов наковыряет, что волосья дыбом подымутся.

Еще, чего доброго, дополнительную лужу для нас у администрации потребует или еще что. Тут вышибание полное требуется, а будить—не советую, братцы.

— Пусть дрынет, хай ей чорт!

И рабочие, стараясь ступать на носки и грозясь друг другу: „тсс... тише!“— бесшумно расползли по отделениям.

Гарри Бальди.

ГЛАЗ НА ДОНБАСС. Шутники.

Если вы войдете в электрические мастерские Макиевского металлург. завода, на вас посыпятся разные обрезки, об'едки, вам, шутки ради, нацепят сзади записочку или хвост. Ученики берут пример с мастеров.

Луч.

Ученикам хвала и слава
И тем, кто дожид до седины!
От этих „милых шуток“, право,
До хулиганства—шаг один.
Что—хвост? Пустяк! Но все-ж до
точки

Дойти я рад, пока не стих:
Про хвост довольно, скажем, строчки,
О хулиганах—целый „стих“.

Об одной породе.

Порода, выбранная
при погрузке угля в
ж.-д. вагоны, убирается
со склада № 17 (Голубовский р-к) пополам с
углем. Администрация
склада не принимает
мер.

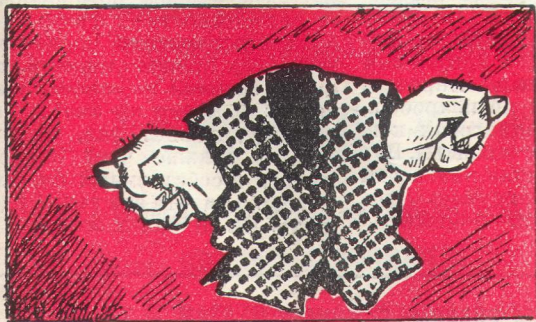
К-а.

Случайность иль игра природы?
Ответа ищет мысль моя.
Я не пойму, какой породы
Администрация сия.
Умна-ль она—спросил тут я бы—
Иль не хватает ей ума?
Но раз дела с уборкой слабы,
Пусть убирается сама.

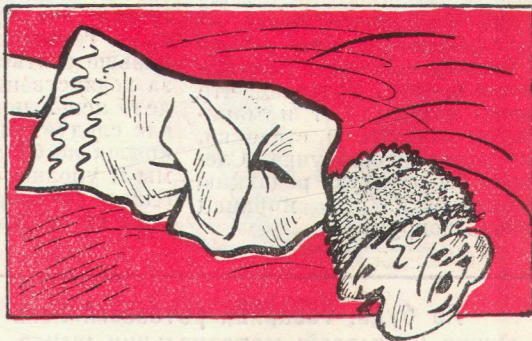
Кайло.

И ЧТО НУЖНО СДЕЛАТЬ.

Рис. Сажина.

Примеры заразительны. Там, глядишь, найдутся на каком нибудь предприятии администраторы, которые пойдут еще дальше—выдадут рабочим по паре рукавов... от жилетки... Впрочем, кое-где уже выдают.

Добрые начинания требуют высокой награды. Что-же остается сделать с такими администраторами? Да очень просто: в награду за распорядительность и чисто отеческую (не говоря уже о „материнской“) заботливость о рабочих—дать каждому „по шапке“.

О кулаках.

Всем, конечно, ясно, что это — кулак. Но, пожалуй, найдутся и такие, что скажут: — Э, наверно этот кулак имеет отношение к чему нибудь такому, эдакому... Таким разясняем: ни к чему у „такому — эдакому“ кулак этот отношения не имеет, даже к деревенским кулакам. Просто, кулак, как таковой, но в совершенно новой роли. „У сторожей екатеринославских паровозных мастерских, кроме того, что из сократили количественно, отняли также и оружие. Приходится защищаться голыми руками. Был случай, когда сторожа выгнали, забравшись с местком воров, буквально, кулаками“... Вот мы и изображаем кулак при исполнении сторожевых обязанностей. Если сторожа, напактовавшись, огреют при случае и распорядительную администрацию, мы тоже ничего не будем иметь. Потому — следует.

Химики.

Вредная это штука — стенгазета. Не одному она портит аппетит и настроение. Многие боятся ее, как чорт лапана, выражаясь фигурально. Вот и в Славянске на заводе „Красный химик“ есть стенгазета того же названия. Жалуются стенкор: — Мною был передан ряд заметок еще в июле, августе и сентябре, но до сих пор их не только не помещают, но даже в почтовом ящике не отвечают. Не потому ли, что большинство таких заметок задвывают за живое кое-кого из культпросветчиков, редактирующих газету?.. Полагаем, что именно потому. Вот и маринуются заметки и статьи, как указано на рисунке. Следовало бы и такую редакцию замариновать, да маринад сделать покруче...

Про ус.

Извините, читатели, что только один ус нарисовал наш художник. Это он не по скупости. Просто, нет надобности изображать другой. Можно одним обойтись. Это ус, в который не дует администрация 4-й пекарни ХЦРК. „Двор этой пекарни от дождей и частого везда с грузами, с одной стороны и благодаря отсутствию канализации с другой, представляет собою тощее болото. Пекарня, направляющиеся по несколько раз в день в амбары за мукой вязнут в грязи и всю грязь заносит в пекарню“. Эх, своей грязью в пекарне достаточно, а тут ее еще со двора ташут. И вообще это не способ, чтобы избавиться от грязи. Надо администрацию сунуть носом в эту грязь. Пусть повалывается в ней, на манер этих... ну, сами знаете...

Безхозяйственное.

Нешуточное дело — приезд нового технорука на предприятие. Технорук — шишка не малая. И администрация пред ним мелким бесом рассыпаться готова. „С приездом нового технорука весь завод им. Карла Маркса занят оборудованием его квартиры, окон, дверей и кроватей. Набран шпатель маляров и плотников. Влетит это предприятию в копеечку. И тут же механический цех и кузница не имеют крыши, да и квартиры рабочих в жалком состоянии“... Как прочли мы эти строки, призадумались на момент: жаль стало рабочих, не весело, поди, работать в помещении без крыши. Покрошить надо! Только не знаем, за что раньше взялись: за крыши или за хозяйственников? Впрочем, дело ясно: пока не покровишь, как следует хозяйственников, крыши не будут покрыты. Вот мы и уполномочили человека одного (смотри рисунок). Здорово кроет! Авось — поможет.

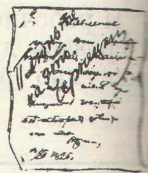
Общая болезнь.

...Наступила осень. Дождь мелкий и настойчивый морсит без конца, образуя огромные лужи. Улицы непроходимы. Хмурые люди, надвинув фуражки на глаза, озабоченно шагают, стараясь выбрать местечко посуше. Но, увы!... Это, товарищи, не беллетристика. Это факт из нашей повседневной жизни. Хорошо, у кого галоши есть. А вот в Горловке их в рабкоопе „Горняк“ нет. А грязь по колено есть. Галош нет, а 40-градусная есть... Что-ж, товарищи, мы этим похвастаться можем. И у нас галош нет. Даже наш художник Самум без галош ходит. Из сочувствия к вам он и изобразил пару галош. Так они по обыкновению выглядят. Нарисовал он их без номера и дамские. Но это не имеет значения: все равно их нет.

Наплевать.

И опять об администраторе и снова о газете, но на этот раз о живой. Больно она кусает. На Бершадском сахарном выпускается живая газета. В одну из заметок попал управляющий именными т. Петренко. Узнав об этом он потребовал копию заметки и отправился с ней к администратору т. Чернецкому... Не подумайте, читатель, что Чернецкий вступился за обиженного и потребовал редколлегия к ответу. Ничего подобного. Он человек осторожный. А осторожность — это врать — мать безопасности. Чернецкий поступил проще: „широкой росписью наложил на заметке резолюцию: плюньте на это“... Так вот. Ну, плюнет раз, плюнет два, а дальше что? Захлебнуться в собственных плеватках можно. А газета все таки будет жить. На то она и живая.

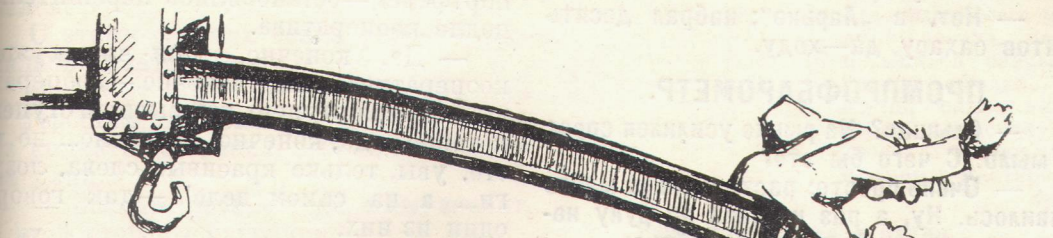

Не будь, товарищ, ротозеем! Коль ты знаком с моим „музеем“, то равнодушно не глазей: материальчик шли в „музей“. Кого угодно, разубажу: тех против шерсти я поглажу, тем под девятое ребро воткну ха-а-ро-шее перо.

ГАВРИЛО.

В ремонтных мастерских одесского трамвая 15-метровые рельсы гнут вручную.

Рис. Самуа.

СКАЗКА С ТЕНДЕНЦИЕЙ.

Чтобы привлечь мо-
лящихся, попы пуска-
ются на всякие „фоку-
сы“. В одном селе поп
служил панихиду по
дохлой кобыле.

У попа была собака,
Он ее любил.
Но, любя ее, однако,
Он ее убил.

И убитую собачку
В яму не зарыл,
А взвалил ее на тачку
И рядом прикрыв.

Не пропали, чтоб впустую
Ребрышки и хвост,—
Поп повез собаку ту
Прямо на погост.

На кладбище-то для виду
Он ее повез;
Не служил он панихиду
И не лил там слез.

Кто поверит нынче в басню
Всех христовых дел?
Батя пса продал в колбасню
И—разбогател!

МИХС.

— Говорил я анжину, что нужно еще подшефный пионерский отряд вызвать.
То-то и не идет...

- За что тебя арестовали?
- Да я набрал десять фунтов.
- На курорте?
- Нет, в „Ларьке“; набрал десять фунтов сахара, да—ходу.

ПРОМПРОФБАРОМЕТР.

— Слышал? На рынке усилился спрос на мыло. С чего бы это?

— Очень просто: растратчиков много появилось. Ну, а раз человек на руку нечист, то как-же без мыла обойтись.

СОМНИТЕЛЬНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ.

Клуб строителей в г. Запорожье находится в ужасном состоянии: всюду грязь, стены ободраны, полы никогда не моются, на окнах паутина.

Рис. С. Зальцера.

- стыдно! Все клубы поправили, а у себя непорядок!
- Ничего, пока в „Гаврилу“ не попали, так обойдемся...

Камень в воду.

Два гражданина в толстовках и о... из них еще вдобавок с „форменным портфелем—остановились нерешительно подле кооператива.

— Да, конечно,—они члены этого кооператива, да, конечно,—кооперативы—первая ступень той высшей ступени, которая... да, конечно... конечно... но это, увы, только красивые слова, лозунги... а на самом деле!..—так говорит один из них.

Кооператив брал меру набит потребителями. Потребители, терпеливые лошади на привязи стояли у прилавка. По ту сторону прилавка обретались длительные, „гостеприимного“ и чья торговля. Трое из ихнего штата изводило накладные расходы на обслуживание покупателя, уснувшего у прилавка.

Один — меланхолически, как стихи, — писал чек в кассу.

Другой набирал для весовой чашки золотниковые гирьки на общую сумму в полфунта.

Третий насыпал чайной ложечкой сахар-песок в кулек десятифунтового достоинства.

— Скоро-ли? — топтались у прилавка несколько потребителей,—еще вчерашнего утра утративших остатки терпения.

— Не всем сразу!—любезничали с ними из-за прилавка,—видите, ведь, заняты, а не нравятся—можете уйти.

— Эге-ге! — горестно сказала одна из вошедших толстовок — другой — тут до утра прощаемся!

На окраинах участились случаи избиения прохожих хулиганами.

Рис. Каплана.

МИЛИЦИОНЕР:—Ты его за что ударил?

ВЕРЗИЛА:—Та вижу—у его морда хулиганская и мимо мне хатит пройтить, я его и вдарил, чтоб порядок соблюдал.

другой, скептик,—повернемте-ка лучше назад и посмотрим...

Оба заглянули в витрину „оживленного“ кооператива. Увидали:

... Обреченно, без надежды и проблеска, стояли у прилавка потребители; успокоенно, как море после бури, зевали за прилавком продавцы, кассирша, поддремывая, вязала чулок и спал безмятежно у нее на коленях кот — жирный, кооперативный...

Л. Митницкий.

Но другая толстовка решительно пожалала плечами.

— Не нойте и надеждайте что будет!

И тут же этот бодрый, настроенный человек повысил голос, обращаясь к своему соседу:

— Какая быстрота... какая сноровка в выпуске покупателей... И это при сокращенных штатах, а что было бы... Кстати, обратите внимание на того продавца, что упражняется в каллиграфии на отрывном чеке... какая благородная выдержка, какая четкость почерка!

Тот, что писал счет за стойкой, наострил ухо, и карандаш дрогнул у него в руке.

Вошедший продолжал:

— ...Но мало того... наша госторговля—это воплощенная немецкая аккуратность... сахар—песчинку к песчинке подберет. Золотник песку три часа отпустить будет, но уж зато...

Чайная ложечка с сахаром-песком выпала из рук другого продавца.

Весь штат за прилавком многозначительно переглянулся и вдруг—ожил. Вдруг и вмиг перепорхнул из рук в руки десяток чеков, завертелась машина в кассе, закачались торопливо отпускаемые товары на весах...

Повеселели покупатели. И два вышеупомянутых гражданина через несколько секунд уже выходили, нагруженные покупками.

Гражданин с портфелем продолжал по инерции:

— Вот она, сноровка... вот наша, растущая не по дням, а по часам кооперация... вот... А вы сомневаетесь, вы думаете, что...

— Заткните свой бесплатный фонтан красноречия — печально попросил его

МОЛИТВА ПОЖАРНЫХ СТ. ЛЮБОТИН.

Брандмейстер пож. ком. ст. Люботин Кобыляцкий эксплуатирует подчиненных. Недавно он кутил целую ночь в команде, распевая „Отче наш“, после чего сократил 4-х пожарных, не принесших ему выпивки.

Отче наш, иже еси в Люботине,
Боевой брандмейстер Кобыляцкий!
Поступаешь с ним ты по братски,
Почерпнувши мудрости в вине.
Перед нами старая картина,
Николая подлинный режим.
Услыхавши:—Смирно! Встать, ска-
тина!—

Пред тобой былинкой мы дрожим.
Не внимаешь слезной ты мольбе.
Размышляя о статьях доходных,
Сокращаешь часто неугодных,
Не поднесших чарочку тебе.
Полон ты энергии и жара
И кричишь:—Пожарная, качай!
На пожар являясь (знаем, чай)—
„Накачавшись“ где-то до пожара.
Знаем мы, что у тебя под каской
И каков души твоей багаж!..
Отче наш! Чужой ты, а не наш,
Потому—катись от нас колбаской!
Н. Хмурый.

На научную ногу.

При одесск. строит. техникуме предпо-
лагают открыть пожарный факультет для
подготовки квалифицированных пожарных.
Рис. Самума. („Пролетарий“).

— Подождите, не тушите!.. В таких случаях рекомендуется
вызвать еще одну пожарную часть!..

Я разговариваю с Гор- откомхозом.

(Жуткое интервью).

Легко и непринужденно поклонив-
шись, я отрекомендовался:

— Чмелев.

— Мы здесь не при чем, — буркнул
Гороткомхоз, отрываясь от газеты, — сами
знаете, дожди, опять же отсутствие
средств. — И заметив в моих руках вы-
сительную трость („для солидности“
одолжил ее у Нетудыкина), он добавил:

— Как вижу, вам нужен, вероятно,
жилищный отдел? Так это прямо
направо.

— Вы меня не так поняли, — робко по-
реступил я с ноги на ногу. — Я из
„Гаврилы“, сотрудник.

— Мамоchка вы моя! — завопил Горот-
комхоз, и прежде, чем я успел опом-
ниться, заключил меня в объятия — Це-
почка вы моя! Симпомпончик! Вот ра-
дость-то! Егор!!! Стул гражданину жур-
налисту. Да не треногий тащи, лошадь,
а мягкий, со спинкой. Вот так. Присе-
живайтесь, будьте, как в редакции.
Курите?

— Не курю, но выкуриваю, — много-
значительно сказал я, садясь.

— Ха-ха! — захо-
хотал Горотком-
хоз. — Здорово за-
винчено! Надо бу-
дет записать где-
нибудь. Да, вот
здесь — на сме-
те рабочего поселка.
Так, как вы гово-
рите: не курю, а
Тонко состригли.

— Кстати о по-
селках, — сказал
я, стараясь прер-
вать этого весель-
чака, — мне пере-
давали, что они...

— На темку на-
брести думаете? —
прищурился собе-
седник. — Увы! О
поселках уж ве-
раз писали, надо
сказать правду.
Здорово писали.
Прямо под оре-
л разделали. Чита-
ешь, бывало, и
верите-ли — душе
радуется. Ах, как

ныне сильно пишут, как пишут! Куда Чехову!

— Ваш водопровод,—начал было я.

— Иногда пошаливает?—Знаю. Помните, как это у Пруткина сказано: „Если у тебя есть фонтан, заткни его; дай отдохнуть и фонтану“. Хи-хи Поняли?

— Затем электричество...—чувствуя, что уже схожу с рельс, пробормотал я.

— Позвольте!—вскричал Гороткомхоз, хватая меня за рукав. — Не вы ли плутишка, написали этим летом фельетон: „Харьков ночью?“ С огоньком написано. И все шельмец подметил: и ямы и развороченные мостовые. Красота, а не фельетон. Верите-ли, раз пять перечитал. Прямо Аверченко.

— Такого не писал,—уныло буркнул я, поднимаясь.—И вообще, пора мне...

— Куда же вы, голубчик?—засуетился Комхоз.—Посидели-бы, поболтали кстати, могу дать вам темочку, да такую, что пальчики оближите: строится это у нас домик один...

— Не надо, пойду уж,—пробормотала я, чувствуя приступы головокружения.

— А то остались-бы, а? Мы, кстати, еще о телефоне не говорили. Помню одну статейку о наших полуавтоматических; ну прямо животики надорвать можно. Ах, как ныне здорово пишут! Читаешь, а у самого—дух захватывает. Эх, люблю я, грешник, нашу литературу.

И когда я был уже внизу, он перегнулся через перила верхней площадки и крикнул:

— Кланяйтесь там! Скажите Тузу, чтоб стишками нас хорошенько. Когда стишками, так оно забавнее как-то.

Я вскрикнул и грохнулся... на Нетудыкина, который громко заржал и, погрозив мне своей „тросточкой“ изрек:

— Спать в редакции, да еще на подоконнике—во-первых, глупо, во-вторых, некрасиво и в третьих,—дай покурить.

Сергей Чмелев.

— Что это за человечек сидит внизу?—спросят читатели. Неужто не узнали? Гаврило Петрович это. Давненько вы его, дорогие читатели, не видели. И не мудрено. Серьезным делом он занят. Дни и ночи думает:

Как бы снизить стоимость журнала не в ущерб качеству.

До того углубился в дело, что и не подозревает об аресте дорогого плзмянничка Миши Нетудыкина. (См. последнюю страницу). Сидит и вычисления математические делает. К каким он результатам придет, об этом сообщим особо.

А откуда—

Подписка на единственный на
Украине юмористический журнал

„ГАВРИЛО“ Продолжается.

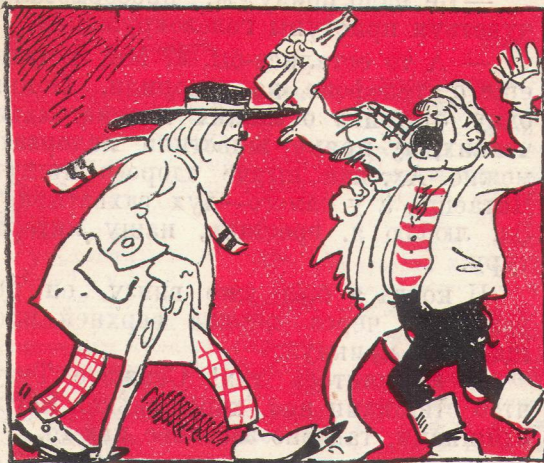
ЦЕНА 2-х №№ в месяц—40 коп.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

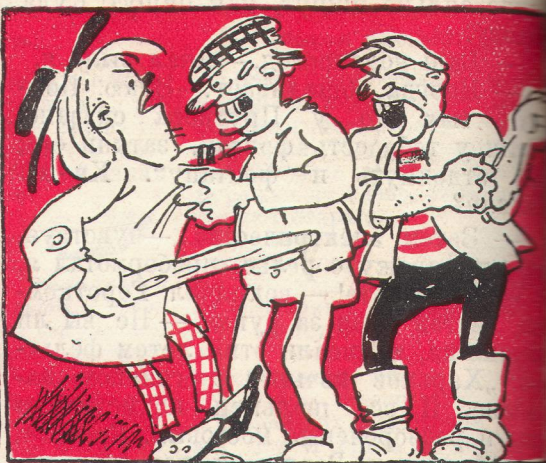
В ХАРЬКОВЕ:—Контора из-ва „Коммунист“, Сумской пер. № 5.

НА МЕСТАХ:—Отделения из-ва „Коммунист“.

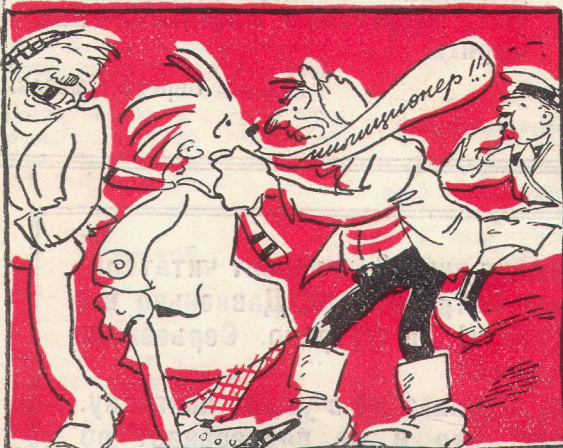

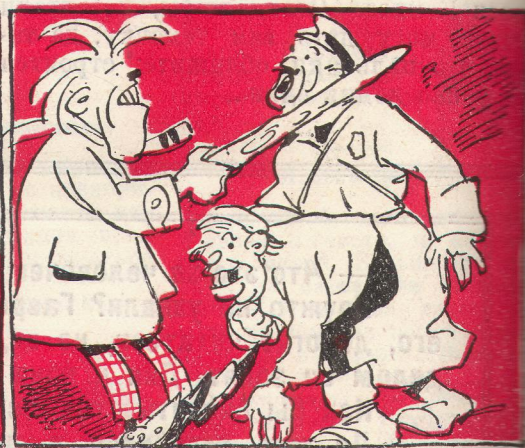
Как то выйдя на прогулку,
Миша брел по переулку.
Смотрит: прямо перед ним
Двое пьяных. Оба — в дым.

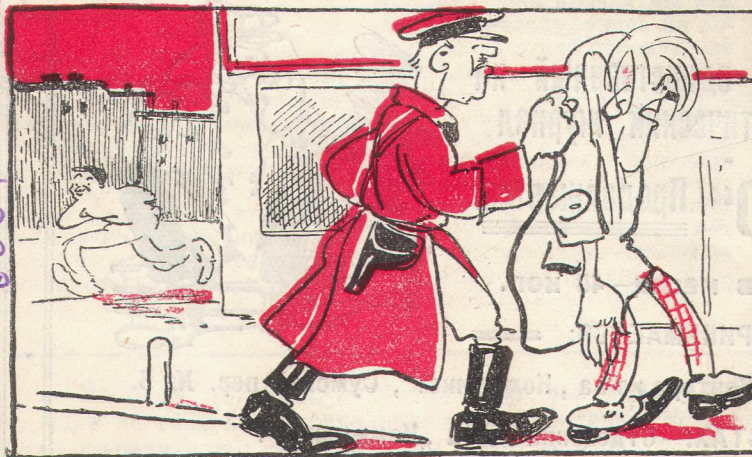
Оглушила сразу фраза:
— Ты куда идешь, зараза?..
И, хоть Миша очень смел,
Но, в испуге, чуть не сел.

Трах! У Миши — дыбом волос.
И во весь свой зычный голос
Крикнул он на свой манер:
— Грабят! Милиционер!!

И с особенною злостью
Размахнулся тут же „тростью“,
Чтоб бандитов обуздать,
И... мильтона ею — хватить!

Где ж бандиты? Скрылись оба...
У мильтона в сердце злорада:
Тон ловысив, тащит он
Нетудыкина в район.

Бедный Миша, с миной кроткой,
Восседа за решеткой,
Грустно смотрит в лик луны,
Виноватый без вины...

(Продолжение в след. Ж-ре)